

4-447
53

Иных времён, иных картин
Провижу я начало

В случайной жизни берегов
Моей реки любимой:
Освобождённый от оков,
Народ неутомимый
Созреет, густо заселит
Прибрежные пустыни;

Наука воды углубит:
По гладкой их равнине

Суда-гиганты побегут
Несчётною толпою,
И будет вечен бодрый труд
Над вечною рекою...

Н. А. НЕКРАСОВ

НАШ СОВРЕМЕНИК

Рис. В. ГОРЯЕВА

К Р О К О Д И Л

№ 1 (1327) МОСКВА 10 ЯНВАРЯ 1953

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXXI

ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

— Не мало ли будет, если мы припишем к отчёту о выполнении плана всего двадцать процентов!

— Достаточно, а то подумают, что это явное очковитительство.

Прошу слова!..

ПОД ЗВОН ПОСУДЫ

КРАТКАЯ СТЕНОГРАММА ДАЛЕКО НЕ ТОРЖЕСТВЕННОГО ЗАСЕДАНИЯ В ГЛАВНОМ УПРАВЛЕНИИ ФРУКТОВЫХ И МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД МИНИСТЕРСТВА ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР ПО ПОВОДУ ОКОНЧАНИЯ 1952 ГОДА.

Вначале слышны звон посуды, хлопанье пробок, возбуждённые возгласы. Перекрывая весь этот шум, доносится голос начальника цеха А. Д. Курашова:

— Внимание, товарищи! Слово имеет наш дорогой гость Крокодил!

Крокодил. Во-первых, сразу же вношу поправку. Самый дорогой гость здесь — директор Останкинского завода безалкогольных напитков. У него одних недостатков — двести пятнадцать тысяч рублей. Во-вторых, прошу извинить, что поздно попал в вашу весёлую компанию. Задержался у одного моего клиента, на Загорском заводе фруктовых вод...

Тов. Курашов (подозрительно). Зачем это вас туда понесло?

Крокодил. За опытом, Алексей Дмитриевич!

Тов. Курашов. За каким таким опытом?

Крокодил. Как на заводе фруктовых вод выходить сухим из воды.

Тов. Курашов. Прошу без скользких намёков!

Крокодил. Пожалуйста! Буду говорить открыто! Искал я там начальника цеха Ветрова, которого с Останкинского завода за недостатком четырёх тонн сахара и трёх тысяч бутылок уволили. Вот я и хотел узнать, как он от такого количества сахара не поперхнулся.

Голос с места. Весело было нам! Весело было нам!

Тов. Курашов. Кто это там распеся?

Крокодил. Так, говорят, Ветров пел, когда вы ему за «вынужденный» прогул заплатили и в Загорск перевели...

(Слышен звон посуды.)

Тов. Курашов. Тише, товарищи! Вахрамеев, перестаньте бить посуду! Вы не у себя на львовской базе, а в главке!

Крокодил. Это он по привычке. За полгода на пятьдесят тысяч наколотил.

Тов. Курашов. По сравнению с общим балансом непроизводительных расходов и непланируемых убытков это, конечно, мелочь. Тем более, что у нас наметилась тенденция к снижению растрат и недостатков. Я это даже в приказе отмечал.

Крокодил. Тенденция — это ещё не снижение и не достижение.

Тогда будет достижение, когда не надо будет делать никакого снижения.

Тов. Курашов. Стараемся по мере сил. (Строго.) Тихо! Кто это опять бьёт посуду? Вахрамеев?

Тов. Вахрамеев. Что вы ко мне прицепились? Как будто я один этим занимаюсь! Это Ржаковский стучает.

Тов. Курашов. Ржаковский! Сколько раз вас предупреждать? Ведите себя прилично! Вы не у себя на Ессентукском заводе, а в главке... Продолжайте, товарищ Крокодил!

(Слышно, как громко хлопает пробка.)

Крокодил. Здорово! (Обращаясь к директору Павшинского завода фруктовых вод тов. Олеф.) Простите за любопытство, это у вашей бутылочки пробочка выскочила? Как называется напиток?

Тов. Олеф. Коллекционный.

Крокодил. В продаже не встречал.

Тов. Олеф. Не мудрено. Это из коллекции для дегустаторов министерства.

(Опять слышен звон посуды.)

Тов. Курашов. Эй, вы там, с Наро-Фоминского завода! Поаккуратнее!

Крокодил. Он «случайно»! Всего на двадцать тысяч.

Тов. Курашов. Он случайно, другой случайно, а меня министр из-за вас в приказах поминает! Как вы думаете, разве приятно такое читать? (Читает вслух.) «Начальник Главминфруктвода тов. Курашов не уделял должного внимания подбору, расстановке и воспитанию кадров, неудовлетворительно осуществлял контроль за деятельностью предприятий и примиренчески относился к имеющимся серьёзным недостаткам в их работе, вследствие чего на ряде предприятий допущены грубые нарушения государственной дисциплины и злоупотребления...»

Крокодил. А по-моему, вы, Алексей Дмитриевич, привыкли к таким приказам.

Тов. Курашов. Не помню.

Крокодил. А это что? (Читает вслух.) «На предприятиях Главминфруктвода ещё не обеспечен порядок в деле учёта и сохранности товарно-материальных ценностей. Недостачи, растраты, хищения готовой продукции посуды и материалов составляют значительные суммы...»

Тов. Курашов. Подумаешь! Так это же давнишний приказ № 699. Мне по этому приказу дали месяц на исправление. Каюсь, не успел. В новом году поднажмём...

Крокодил. Вашими бы устами да мёд пить.

Тов. Курашов. За мёд не ручаюсь, а чистая будет, газированная. Четыре копейки стакан. Наше слово крепкое, как наш квас. С Новым годом, товарищи! С новым боем!

(Слышен звон посуды, хлопанье пробок, крики.)

Крокодил. Бить посуду не всегда к счастью. Могут быть и неприятности. Отвечать придётся.

* * *

Примечание Крокодила. Я как будто в воду глядел. Пока расшифровывалась приведённая выше стенограмма, министр отстранил А. Д. Курашова от обязанностей начальника главка. С удовлетворением отмечаю это несколько запоздалое событие, я тем не менее без всякого удовлетворения констатирую: Курашов снят, но звон посуды продолжается.

Очень хочется, чтобы в главке стало тихо. Без звона!

Саратовские Страдания

В РОВЕНСКОМ ЛЕСУ

«Дорогой «Крокодил»,— писали нам лесорубы Ровенского леспромхоза Саратовской области,— мы делаем большое дело. Очищаем от леса дно будущего Сталинградского моря. Всей душой готовы хорошо работать. Государство ничего для нас не жалеет, а вот удивись, что получается! План мы не выполняем, общаживают к зиме не готовы, механизмы простаивают. А те, кто отвечает за леспромхозы, к нам глаз не кажут».

Справляясь у местных жителей о дороге в село Ровное, мы наивно полагали, что визит наш будет полной неожиданностью. Эта иллюзия быстро рассеялась, когда директор леспромхоза Аринушкин встретил нас бодрым восклицанием:

— Привет! Милости просим! Мне уже из Саратова звонил товарищ Григорьев, директор «Леспецзага». К тебе, мол, Аринушкин, из редакции едут, так ты, дескать, того, не подкачай, наведи порядок!

Аринушкин тут же скромно признался, что он был бы рад-радехонек «навески порядок», да где уж там! Вот хоть бы взять механизмы: единственный механизм был здесь блестяще освоен, не простаивал и работал безотказно: это телефонный аппарат, доносивший из Саратова распоряжения директора треста. А остальное...

Показывая с гордостью присланную леспромхозу «технику», Аринушкин начинал, так сказать, «за здоровье»:

— Вы только посмотрите, какую красоту нам дали! Какие трелёвочные тракторы! А передвижные электростанции... Это же сила!

Но тут же восторженный порыв угасал, и в голосе появлялись трагические ноты:

— А ведь тракторы у нас простаивают. Беда! Без троса трелевать лес нельзя, а троса никак в тресте не допросимся. Что будешь делать? Электропилы — вещь замечательная. Но с кабелем бьёмся: маловато его у нас. А почему бы это? Говорят, что в Москве его дали сколько нужно. Рассказать, так не поверят: пришли к нам эти электропилы без расточных станков. Ну, мы их точили чем придётся, и пилы от этого лучше не стали. Присылают наконец станки, но без многих деталей, например, без приводных ремней. Поставщики, видно, думают, что их у нас в лесу можно найти.

Мы убедились в том, что флора заволжского леса была вообще сильно переоценена снабженцами. У них, должно быть, и впрямь сложилось убеждение, что в заволжском лесу можно легко найти дикорастущие печные заслонки, радиоприёмники, рукавицы. Зато фауна здешних краёв богато пополнилась за счёт леспромхоза.

Мы были крайне поражены, увидев мчавшийся вдаль с весёлым ржаньем табун диких лошадей, и робко осведомились: откуда, мол, здесь дикие лошади? Чего доброго, не появились ли в саратовской степи лошади Пржевальского?

— Да куда там Пржевальского! Это особая порода — лошади Аринушкина,— флегматично отозвался десятник.— Он их купил для леспромхоза. Домашняя была животиная, а теперь дичает без работы. Повозок не дали, мы уж теперь сани просим. Говорят: ждите. Зима подошла — начинаем готовить сани. А лошади пока дичают, это верно. Каково-то будет их приучать к работе!

О печных заслонках мы упомянули потому, что без заслонки, как известно, печь — это не печь, а без печи зимой дом не дом! Общежития для лесорубов были построены неплохо, но печи, лишённые заслонок, производили грустное впечатление.

Впрочем, это оказалось сущей мелочью по сравнению с другими строительными неурядицами.

Стоило Аринушкину показаться где-либо, как его начинали осаждать. Кто спрашивал, когда будет готова столовая, кто сердился, что до сих пор нет бани. Молодёжь требовала красный уголок, шофёры интересовались гаражом. Увы! Ничего этого пока не было и в помине.

Зайдя с директором в контору, мы было хотели спросить его, а в чём же, собственно, проявляется забота и помощь со стороны саратовского треста «Леспецзага». Но в этот момент отчаянно зазвонил телефон. На линии был Саратов.

— Здравствуйте, товарищ Григорьев! — кричал в трубку Аринушкин.— У нас ли представитель редакции? У нас, у нас! О чём спрашивает? Да так, обо всём беседуем... А когда же с вами-то о делах потолкуем? Потом?

Когда мы уезжали из леспромхоза, уже стемнело. Рабочий день кончился, и молодёжь, поужинав, вышла гулять. Зазвучала гармошка, и вслед нам долетела ехидная песенка:

Подарю милёночку
Соску и пелёночку:
У него от манной каши
Стали детские замашки.

— Сердиты наши лесорубы на саратовский облпотребсоюз,— посмеиваясь, заметил шофёр, заводивший «газик». — С общественным питанием пока неважно. То заладят манной кашей кормить, то вермишелью. За всё лето ни одного огурчика не прислали. А то вот был конфуз! У нас большинство рабочих — мужчины, и вдруг доставляют сюда партию детских валенок. Мы их вернули, так представитель облпотребсоюза нас же высмеял. «Эх,— говорит,— темнота! Это же не детские валенки; это типичный дамский недомерок».

БЛУЖДАНЬ В ТРЕХ СОСНАХ

Погожие саратовское утро. Солнце с одинаковой щедростью льёт золото лучей как на гражданские, так и на административные здания. В одном из них, полном деловитого шума, производимого многочисленными сотрудниками, мы нашли управляющего лесозаготовительным трестом М. В. Григорьева.

В кабинете, из которого он управлял леспромхозами, произошла оригинальная сцена. Мы пробовали выяснить, почему в Ровном не могут правильно наладить работу электропил. Тов. Григорьев с негодованием отверг самую мысль о возможности таких беспорядков.

— Вас неправильно информировали! — энергично заявил он.— У нас таких промахов не бывает! Сейчас я это докажу.

По его сигналу аппарат треста пришёл в движение: зазвонил телефон, забежали секретари, зашуршали бумаги. В кабинете появился начальник отдела снабжения. Он клятвенно заверил обеспокоенного патрона, что по части электропил в Ровном наблюдается идеальный порядок.

Григорьев успокоился.

— Вот видите,— заметил он,— врёт Аринушкин. Ишь ведь какой анекдот придумал!

В этот момент телефонистка соединила трест с Ровным.

— Ты что там, Аринушкин, шум поднимаешь? Что ты выдумал, будто у тебя кабеля не хватает? С каких это пор? Да ты не кричи! Кто это видел? Чёрный?

На пороге показался главный механик треста Чёрный, и дело приняло неожиданный оборот: механик с меланхолическим видом подтвердил, что пилы используются с нарушением технических правил.

Если бы из телефонного аппарата вдруг забил нефтяной фонтан, управляющий трестом не был бы так удивлён. Мы простились, не желая мешать ответственному товарищу блуждать в трёх соснах, акаясь до хрипоты со своими ближними и дальними подчинёнными.

СИЛА ПРОТЕКЦИИ

Направляясь в главк «Росспецлес» Министерства местной топливной промышленности РСФСР, мы были уверены в том, что здесь ещё меньше знают о ровенских неполадках, чем в Саратове. Ведь Москва как-никак дальше от Саратова, чем Ровное, а в ведении «Росспецлеса» все волжские леспромхозы, очищающие дно двух будущих морей — Сталинградского и Куйбышевского.

Начальник главка тов. Корчагин встретил нас очень любезно и только осведомился, не по саратовскому ли мы вопросу. Оказалось, что великолепно поставленная тов. Григорьевым служба связи ещё раз показала себя с самой лучшей стороны.

Б. А. Корчагин ничуть не был удивлён, что в Ровном всё идёт вкривь и вкось.

— Дело в том,— сообщил он откровенно,— что, к сожалению, во главе нашего саратовского треста стоит далеко не тот человек, который нам нужен.

— Так почему же?..

Тов. Корчагин понял с полуслова.

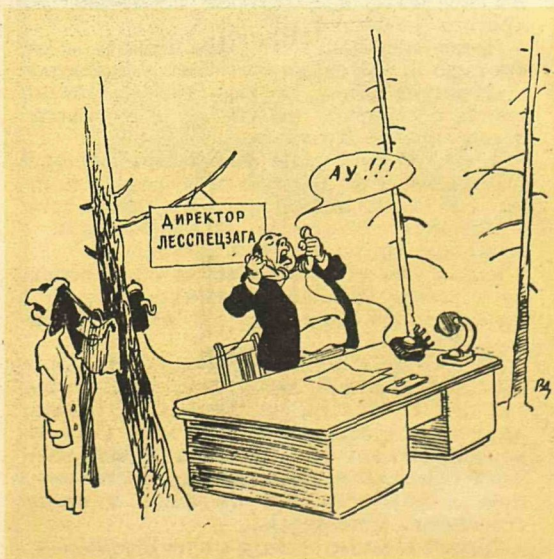
— Видите ли,— сказал он грустно,— Григорьева нам рекомендовали в Саратовском облпотребсоюзе. Удружили, так сказать. И ведь нужно отметить, что не в первый раз они нам сбавривают плохих работников! Вот и Григорьев: дела он не знает, с работой не справляется, к лесорубам относится чёрство. Мы бы рады его сменить, но...

Мы покинули главк, размышляя о том, сколько смысла и значения содержится в простом коротеньком словечке «но»...

О. ПОЗДНЕВА,

специальный корреспондент «Крокодила».

Саратов — Ровное.

МЫСЛИ ВСЛУХ, ИЛИ КАК СОЗДАВАЛСЯ ФЕЛЬЕТОН

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ, ЗАМЕНЯЮЩЕЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

ЕСЛИ я когда-нибудь буду знаменитым писателем (в чём я сомневаюсь), если я когда-нибудь умру (в чём я не сомневаюсь), если благодарные потомки раскошелятся, решив поставить мне памятник, и если в эпитафии рядом с моим именем не будет увековечено имя моего друга — Сергея Ивановича Остроумова, — это будет величайшей исторической несправедливостью, ибо всё, что я написал до сих пор более или менее остроумного, значительного и полезного, — всё это плод долготельней тёплой дружбы, ума холодных наблюдений и горячих советов Сергея Ивановича.

В долгие зимние вечера и в майские короткие ночи, в минуты радости и в часы огорчений задушевные беседы с Сергеем Ивановичем были, есть и будут для меня источником душевного равновесия, возбудителем мысли и творческого вдохновения.

По причинам, которые будут понятны впоследствии, я не могу нарисовать точный портрет моего друга, его характер, не могу описать привычек, вкусов, рассказать о его любимых блюдах, костюмах, книгах и т. д. Я даже не смогу ответить на элементарные вопросы какого-нибудь вездельного начальника отдела кадров о предках Сергея Ивановича, об образовании, профессии и даже возрасте.

Однако же могу сообщить, что Сергей Иванович Остроумов очень хорошо знает жизнь и умеет её наблюдать. Иногда он увлекается стихами, знает и понимает музыку, осведомлён в вопросах литературы, искусства, критики и т. п. Вот, собственно, всё, что могу пока сообщить о моём друге, к которому я питаю самые искренние чувства любви и благодарности, так как, поворачивая, все темы моих фельетонов — его темы. Поэтому, исходя из вышеизложенного, я обязан предупредить читателей и критиков от возможных поспешных и ошибочных выводов, касающихся внешности, характера и общественного положения моего друга Сергея Ивановича...

На днях, когда мне потребовалась тема для фельетона в первый январский номер журнала, я, разумеется, пошёл за советом к моему другу...

И вот мы сидим за чашкой чая, слушаем монотонное, но благотворно влияющее на размышления мурлыканье Музы, расположившейся на столе, под зелёным абажуром, и

ОБСУЖДАЕМ ТЕМУ ФЕЛЬЕТОНА

— Понимаешь, — говорю я, — в новом году хочется написать новый большой фельетон о чём-нибудь интересном, общественно-значимом, злободневном.

Сергей Иванович несколько раз провёл рукой по своим русым густым сидящим кудрям, как он всегда делает в минуты умственного напряжения.

— О Министерстве кинематографии надо бы, — неуверенно намекнул он.

— Старо и бесполезно: сколько уж писали, а что толку?

— А может быть, как-нибудь по-новому об этом написать? Может быть... Придумал! Знаешь что? Напиши сценарий кинокомедии, ну, хотя бы короткометражной. Сюжет, скажем, такой. Новогодний бал-маскарад в Доме кино. Все в масках. И только одна молодая, интересная, жизнерадостная

такая женщина без маски. Её никто не узнаёт. Один известный режиссёр догадывается, что это кинокомедия, и приглашает её к себе в студию...

— Не жизненно, не правдиво, не типично. Если даже режиссёр и задумает её пригласить к себе, жена не позволит. Скажет: «Не смей! Я тебе и комедия и трагедия! И чтоб никаких молодых, интересных женщин в твоей студии и духу не было!»

— Да, ты прав... Тогда напиши о растратчиках. Это можно интересно сделать... Новгодний бал растратчиков. Все в масках. И среди них — ревизор-инспектор, тоже в маске. Все выпили, разоткровенничались. Ревизор вдруг снимает маску: «Ага, попались, голубчики!»

— Не типично. Так, конечно, бывает. Но бывает и иначе: ревизор снимает маску, его как следует угощают, и он уходит.

— Гм, да... Ну, а... А что, если написать фельетон о редакторе? А?

— Почему о редакторе? Ведь фельетон нужен в январский номер, а не ко Дню печати.

— Ну вот, и ты такой же, как все: о редакторах, о журналистах вспоминаешь и пишешь только в День печати, как будто...

В это время Муза чихнула, потянулась и задела какой-то шнур. В углу комнаты, в ветвях новогодней елки, уютно засветились синие, красные, жёлтые огоньки. Сергей Иванович долго смотрел на огоньки и вдруг решительно сказал:

— Нет, ты должен написать о редакторе! Должен! И вот слушай, что я тебе расскажу. Назвать это можешь:

ХОЛОДНЫЙ ОГОНЁК

Сергей Иванович погладил свои пушистые усы, закурил и неторопливо начал свой рассказ:

— Нет ничего хуже, когда в газету или в журнал попадает равнодушный человек, флегматичный сухарь и резонёр. А если он ещё при этом трусоват, тогда шиши пропала газета.

Я знал одного редактора, который до того засушил газету, что в конце концов от нескольких тысяч подписчиков осталось несколько десятков, да и те её потребляли больше на обёртку, чем для чтения.

Попал этот человек на пост редактора

случайно. До этого он был управляющим райпромтреста. И, надо сказать, работал там неплохо и добросовестно. Но однажды районные руководители прочитали в областной газете большую, интересную статью «Из опыта нашей работы». И под статьёй подпись: «И. Сушко, управляющий райпромтреста».

«Ба! Да ведь это наш Исай Фёдорович! — воскликнул удивлённо секретарь райкома. — Вот умница! А мы-то полгода кандидатуру редактора подбирали. Вызвать Сушко!»

Вызвали Сушко в райком. И, сколько он ни отказывался, утвердили редактором райгазеты.

«Трусость проклятая погубила, — объяснял он жене. — Ну никак не осмелился сознаться, что статью эту окаянную корреспондент областной газеты от слова до слова сам написал и подsunул мне на подпись, и вот...»

Пришёл он в редакцию. А там уже сотрудники ждут. Секретарь редакции говорит:

«Исай Фёдорович, может, совещаньце проведём, скажете пару слов, установку дадите?»

«Установку?.. Ну что же, установку, так установку, это можно. Только дайте мне с мыслями собраться».

Сел он в редакторский кабинет и думает: «О чём же мне говорить с ними? Вот если бы они в колёсном деле что понимали (Исай Фёдорович в молодости колесником был)! Тогда ещё, пожалуй...»

Мучительно размышляя, он вынул из кармана областную газету с злополучной статьёй и стал перечитывать. Ему очень понравилась фраза: «Люди работают с огоньком, горят на работе». «Ну, вот, — подумал он, — я им так и скажу».

Собрались сотрудники на совещание. Сушко долго мялся, краснел, потел и наконец заговорил:

«Так вот, значит, товарищи, какое дело... Стало быть, придётся, товарищи, поднажать. Дело, сами знаете, ответственное, сурьёзное. Это, я вам скажу, не колёса делать. Да. Это вам не фунт изюму. Надо будет, товарищи, засучив рукава взяться за программу... то есть за газету. Надо вопросы ставить глыбко, а особенно вопрос о выполнении промфинплана, в районном масштабе. Этот вопрос, товарищи, надо поставить из угла в угол...»

Последнее любимое выражение Сушко означало: во главу угла.

Говорил он долго, припасая приговорённую фразу из статьи для заключения. Говорил медленно, монотонно, растягивая слова, словно тесто или резину. Лицо его выражало при этом... Нет, лицо его просто ничего не выражало.

Наконец, решив, что пора «закругляться», он зевнул и, прикрывая рукой рот, так же лениво и монотонно произнёс:

«Надо, товарищи, работать с огоньком! Надо, товарищи, гореть на работе!»

Сидевшая в углу машинистка — молоденькая смешливая Маруся — хихикнула. На неё строго-осуждающе посмотрел секретарь редакции.

После совещания Маруся пришла к секретарю и, еле сдерживая смех, объяснила: «Извините меня, но ведь это было очень смешно: говорит, работайте с огоньком, а сам зевает. Хи-хи-хи!»

А товарищу Сушко фраза страшно приглянулась, и он каждую свою речь, где бы ни выступал, неизменно стал заключать: «Главное, товарищи, надо работать с огоньком, гореть надо на работе!»

Как я уже заметил, говорил он об огоньке с таким ледяным равнодушием, что в конце концов его самого прозвали «Холодный огоньк».

Мало-помалу из газеты исчезли фельетоны, очерки, живые зарисовки, карикатуры, так как Сушко их не понимал и боялся. Зато он был весьма доволен, если для очередного номера из райкома или райисполкома присылали какое-нибудь постановление: и редактировать не надо, и ответственность снимается...

Сергей Иванович налил очередную чашку чая.

— Ну что, подходящий тип для фельетона?

— Вообще-то, конечно, подходящий. Только видишь ли, в чём дело... Наверное, этого редактора давным-давно сняли с работы.

— А нет, не сняли. Ей богу, не сняли. Я только что на днях был в этом районе, заходил в редакцию и видел Сушко. Сидит и пишет передовую. И знаешь, какой заголовок передовой? «В новом году работать с огоньком». Каково?

— Да, но понимаешь, что получается. Вот напишу я такой фельетон, а меня какой-нибудь критик спросит: «Хорошо, тип, допустим, довольно типичный. Но скажите: в этом районе есть райком партии или нет? У вас получается, что газета сама по себе, а райком сам по себе».

— Так оно и есть на самом деле! Впрочем, раз ты обязательно хочешь, чтоб было типично, можешь к этой правдивой истории придумать оптимистическую концовку, как это... доммыслом, что ли, называется. Ну, например, Сушко вызывают в обком партии, делают соответствующее внушение и заставляют печатать фельетоны, карикатуры. Газета становится живой, острой, интересной...

— Эх, куда хватил! Да разве в жизни так бывает?

— Так это ж доммысел. И вот Сушко приезжает в район, собирает совещание и, к удивлению сотрудников, заявляет: «Немедленно фельетон! С огоньком чтоб, на злобу дня и чтоб по ходу хозяйственно-политической кампании! Какое у нас в районе на сегодня отставание? Финшлан? Вот о финшлане чтоб фельетон и был!» На следующий день выходит газета с фельетоном. Да ещё... ещё со стихотворным фельетоном. Понимаешь? Я уж и сочинил этот фельетон, — сообщил Сергей Иванович заговорщическим шёпотом. — Вот послушай. Тут, понимаешь, и чёрт фигурирует, почти что «Ночь перед Рождеством», как раз к рождеству; называется фельетон

ПРИБРЕТАЙТЕ СБЕРКНИЖКУ!

Полночь... Кругом всё спит...
К старушке кто-то постучался.
Кто ж из знакомых к ней стучит?
А может, стук ей показался?

Вот стук опять возобновился.
Крючок тихонько приподняли.
Чёрт перед бабушкой явился,
За ним ещё двое стояли.

Все трое в комнату вошли.
С рогами каждый и хвостом,
И речь такую повели,
Рассевшись с шумом за столом:

«Пугаться, старая, не надо,
Быстрее деньги подавай!
К тебе прислал нас муж из ада,
Чтоб откупила его в рай».

Она с поникшей головой
У сундука открыла крышку.
Свое старческой рукой
Передала чертям... сберкнижку.

Чёрт со стула приподнялся,
Взмахнул хвостом, повёл рогами
И дино хохотать принялся.
Другие топали ногами.

Старушка утром повздыхала,
Идя тихонечко в сберкассу.
Но контролёру мысль запала:
Зачем старушке денег массу?

Контролёр, глаза прищурив,
Намекнул об этом ей.
Седая, голову понурив,
Ему сказала про чертей.

Была старушка очень рада,
Что перед праведным судом
Предстали черти те из ада —
С сестрой и братом упрямом.

И ясно каждому мальчишке:
Чтоб деньги не пошли к чертям,
Храни их только на сберкнижке
И спи спокойно по ночам.

— Ну и хитрец! — воскликнул я, прослушав стихи. — Значит, ты провоцируешь меня испортить правдивую историю о Сушко своими дурацкими стихами? Чудак, да кто поверит, что в наше время какая-нибудь газета напечатает такую чушь, как твои стихи?

Сергей Иванович выслушал это замечание спокойно, но с ехидной улыбкой, в глазах у него появился лукавый чёртик.

— Эх, ты, — молвил он злорадно, — а ещё редактор! Так знай же: фамилию Сушко я выдумал, а вот стихи, которые я тебе прочитал, напечатаны в настоящей газете, и в наши дни.

Он взял с этажерки газету и подал мне. Это была действительно настоящая газета — орган Солнечногорского горкома и райкома партии Московской области за 15 июня 1951 года № 71.

Я смущённо смотрел на подпись редактора М. Ф. Великова и молчал. Муза поднялась со своего места, победоносно подняла пушистый хвост трубой и смотрела на нас взглядом, одновременно выражающим жалость ко мне и гордость за своего хозяина. Да, я, кажется, забыл сказать, что Муза — это кошка, а кошки, как известно, очень энергично реагируют, когда дело касается чести их хозяев.

— Так... как же всё-таки с фельетоном быть? — уныло спросил я, с сожалением поглядывая на пустую чашку: чайник мы давно опорожнили.

— Пойдём-ка, друже, пройдемся, свежим воздухом подышим...

Мы идём по улице. Редкие хлопья снега кружатся и мельтешат перед глазами, и кажется, что падают они не сверху вниз, а поднимаются снизу вверх. Сквозь снежную мглу проглядывает расплывчатое жёлтое пятно луны. Уже за полночь. Улица пуста. Изредка встречаются запоздалые прохожие. И вдруг мы увидели, как навстречу двигается, не торопясь, знакомая фигура Никанора Семёныча Пустобаевского. Мы стремглав свернули в переулочок...

— А почему бы тебе не взять в герои фельетона Пустобаевского?

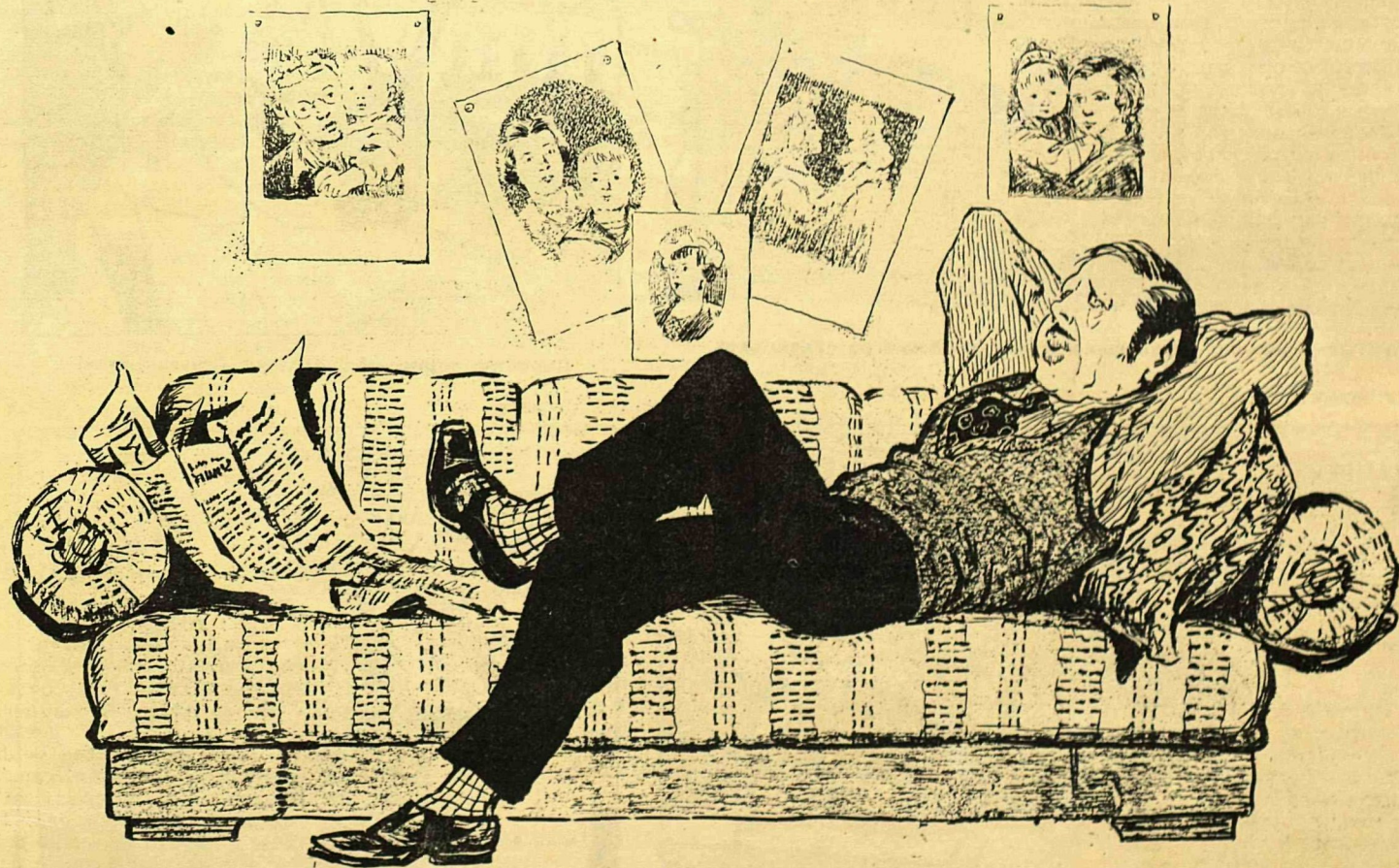
— А и верно! Это идея, пожалуй. Давай обсудим.

— Нет, дружище, отложим обсуждение до следующей встречи, а сейчас спать пора. Утро вечера мудренее. Спокойной ночи!

(Продолжение следует.)

Рис. В. КОНОВАЛОВА

ТРУДНАЯ ЗАДАЧА

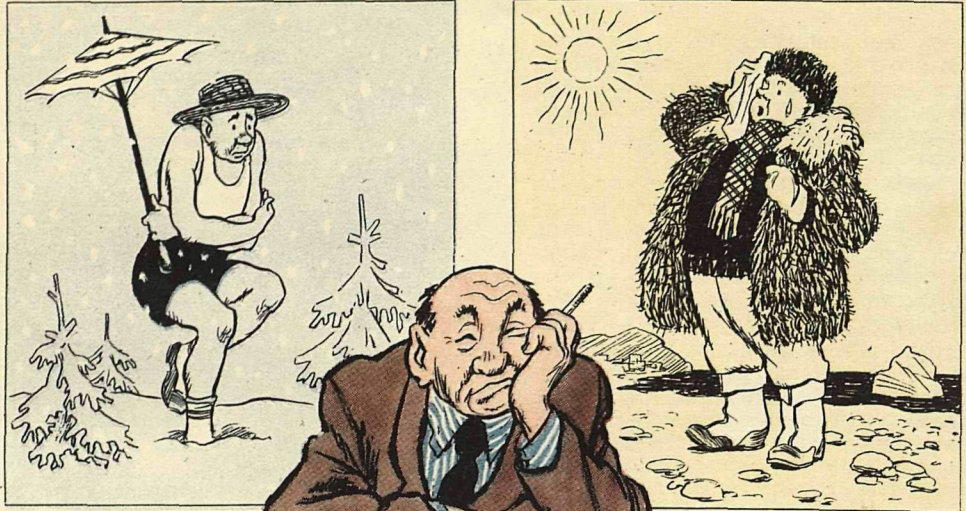

— Я понимаю, что надо укреплять семью, но которую!

О ТОРГОВЫХ ТОЧКАХ

и занятых

Рис. Е. ШЕГЛОВА

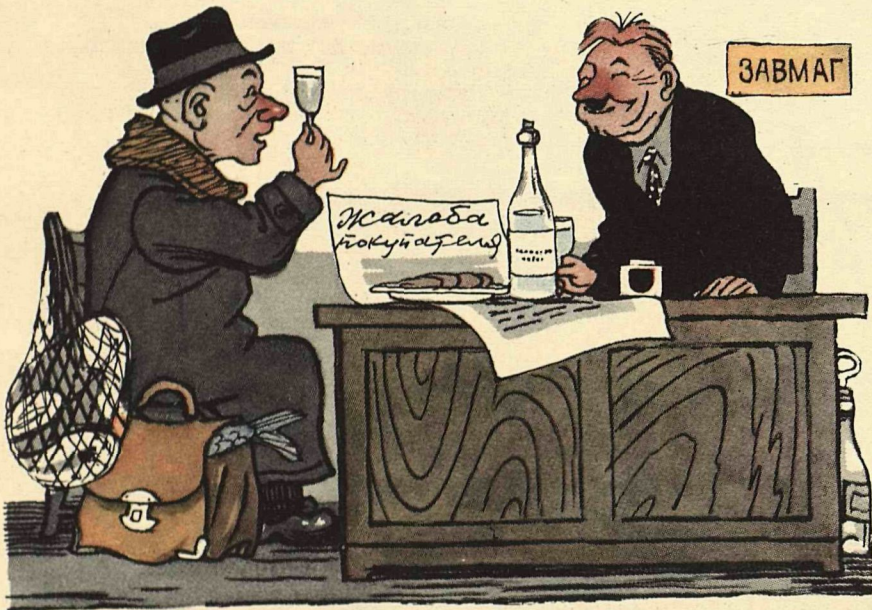
Этому холодно.

Этому жарко.

Потому что этому ни холодно, ни жарко.

В Ворошиловградском горпичеторге имеются 5 штатных инспекторов по контролю за торговлей. Однако за 9 месяцев они не обнаружили ни одного нарушения. А проверка, проведенная в 120 магазинах и палатках Горсовпрофом и Госторгинспекцией, выявила грубые нарушения правил торговли.

Рис. В. ВАСИЛЬЕВА

ИНСПЕКТОР: — Никаких нарушений и злоупотреблений не обнаружил..

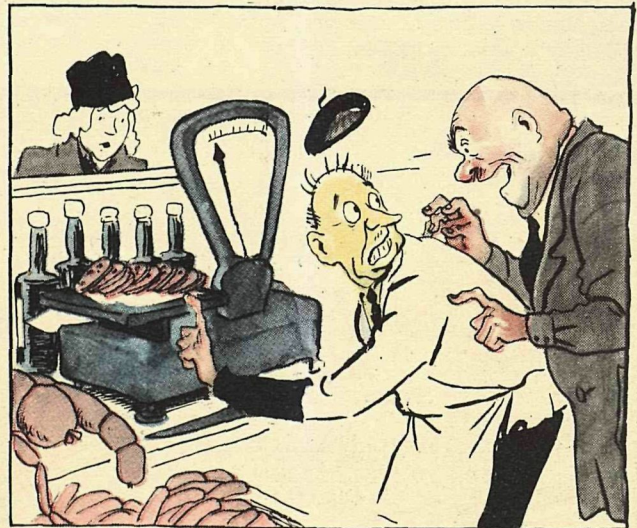
Рис. Е. ГОРОХОВА

— Ну и магазин! Все продавцы кричат, грубят, бранятся!
— А директор словно в рот воды набрал!

НЕ РАССТАНЕМСЯ С ТОБОЙ НИ ЗА ЧТО НА СВЕТЕ

Рис. Е. ВЕДЕРНИКОВА

Директор торго: — Ах, попался, Птичкин, стой!

Не уйдёшь из сети [торговой].

На заводе обеденный перерыв. Позади столовой, в комнате отдыха, сидят в креслах главный инженер, главный механик и главный конструктор и беседуют вполголоса. По их оживлённым лицам, блестящим глазам и выразительным жестам можно судить, что тема разговора самая что ни на есть захватывающая.

Без души

Часа три подряд незададливые рыбаки кочуют по реке. — Какого чёрта в самом деле! Вернёмся?
Назад они идут берегом, злые и молчаливые. Вдруг до их слуха доносится визгливый, знакомый голос.

В комнату отдыха заглядывает директор. — Привет главным руководителям! — произносит он, но тут же оговаривается: — Привет рыбакам! Не ошибся?

— Не ошиблись, Андрей Николаич, — широко улыбается конструктор Терентьев. — Сидим, обсуждаем завтрашнюю рыбалку. Погодка-то какова — самый клёв! Утречком, часиков в пять, махнём по Савёловской, километров за шестьдесят!

Директор говорит мечтательно:

— Да-а, приятное это занятие... В молодости я тоже любил. Но я всё больше летом рыбачил.

— Ох, что вы! — оживляется Терентьев. — Зимой самый лов! Пробьёшь лунки, наладишь удочки — и только знай таскай!

— Заманчиво! — вздыхает директор. — А что, не махнуть ли и мне с вами?

Инженер кусает губы, механик барабанит пальцами по столу. Зато Терентьев в совершенном восторге.

— Верно! Пешня у меня есть, к вашим услугам! Зимних удочек шесть. Могу вам три штучки предоставить, с удовольствием. Ах, что за удочки, с пробковыми ручками! Блесны, как живые, мотыль уже кушлен.

Инженер и механик, не сговариваясь, подымаются с места.

— Нам пора, — мрачно говорит механик.

Конструктор Терентьев перебегает от одного к другому.

— Так как же, друзья, сговорились? В пять часов, у пригородных касс!

Механик выходит в коридор и сердито сплёвывает.

— Подхалим паршивый!

— Нет, он не из подхалимства, — уныло говорит инженер. — Просто энтузиаст. Любого с собой потащит, кто ни навяжется.

— Нет, подхалим, — упорно настаивает механик и передразнивает: — Удочки вам предоставляю! Пешню с удовольствием!.. Ну и шускай сам с директором нянчится, а мы уйдём километров за пять — и шут с ними!

В пять часов утра, когда в декабре месяце все добрые люди ещё крепко спят, у пригородных касс, под фонарями, толпятся рыбаки. Да сколько же их, рыбаков-любителей! В ушанках и башлыках, в ватниках, шинелях и тулупах, кто с мешком за спиной, кто с ящичком в руках. Тут и седоусые в очках, и розовощёкие юнцы, люди всех профессий, но одержимые общей рыбацкой страстью.

Главный инженер, главный механик и главный конструктор стоят у входа на перрон и пререкаются.

— Голубчики, ведь неловко, подождём ещё чуточку! — жалобно каничтит конструктор и внезапно радостно вскрикивает: — А вот и он!

Директор идёт в кожаном коричневом пальто, в белых бурках, со щегольским чемоданом.

— Вырядился! — фыркает механик. — Рыбак, называется...

Конечно, всем известно, что шик рыбака в его безукоризненной снасти. А на себя можно накрутить всё, включая и бабкину шаль с кистями. Никто не осудит.

Погружаются в вагон. Конструктор егозит и болтает всю дорогу. Инженер и механик молча курят. Директор возбуждён предстоящей рыбалкой.

На шестидесятом километре рыбаки высыпают из поезда и вперегонок дуют к реке, чтоб успеть захватить излюбленные места.

— По-моему, есть смысл разделиться, — невинно предлагает механик. — Вы в какую сторону направитесь?

— Мы с Андреем Николаичем под яр! — заявляет конструктор.

— Так я и знал! — ворчит себе под нос инженер. — Ну, а мы подалее. Ни клёва, ни улова!

На белой глади реки уже виднеются тёмные согбенные фигуры. Конструктор Терентьев в своём перепоясанном ватнике и шалке, похожей на растрёпанное воронье гнездо, бойко шагает возле монументального директора.

— Я вас, Андрей Николаич, туда поведу, где окунь так сам и набивается! Не успеваешь насадку менять.

Инженер и механик ускоряют шаг и скрываются за мостом.

— Воображаю! — злорадствует механик. — Лунки ему будет рубить, рыбку ему станет таскать! Я-то думал, он настоящий рыбак, а он лакейская душа!

Они уходят далеко по реке и, облюбовав место, сбрасывают с плеч рюкзаки, достают коротенькие зимние удочки, вытаскивают из-за пазухи коробочки с мотылём, прорубают лунки. Вскрывает солнце и на белом, нетронутым покрове реки и берегов раскидывает свой ювелирный магазин — брильянты, жемчуг, серебро... А воздух! Что за воздух, холодный и свежий, как ключевая вода! Ах, хорошо!.. Плохо только, что окунь не клюёт. Полчаса не клюёт, час не клюёт...

— Пойдём попробуем в другом месте?

Но и в другом месте та же история. Рыбаки начинают нервничать.

— Уж это вечно, как свяжешься с какой-нибудь обузой, так вся рыбалка к свиньям собачьим. А они, небось, там сидят таскают...

— А как же! Под ярком всегда клёв.

— Терентьев?

— Он!

За поворотом, на реке, их глазам представляется странная картина: директор сидит на снегу и пытается стянуть с ноги белую бурку, а Терентьев прыгает перед ним, как шаман на молитве, потрясает кулаками и верещит истощённым голосом:

— Окаянная сила! Навязался на мою душу! Этакую штуку упустил, рыбак, тоже мне! Не рыбак, а... — и за сим следует настолько убийственное определение злополучного рыбака, что инженер и механик невольно шрыскают со смеха.

— А ты говорил, он подхалим, — шепчет инженер.

Терентьев замечает их и машет варежкой:

— Сюда! Ко мне!

Друзья скатываются на реку. Конструктор вне себя.

— Братцы, что же это делается?! Во, во какую штуццу я поймал! — он энергично выбрасывает вперёд левую руку и понижая плеча стучает правой рукой — жест, известный всем рыбакам и означающий, что щука была длиной с руку.

— Я её ташу, а он лезет помогать! Зачем лезет? Кто его просил в чужую лунку со своими лапами лезть? Упустил! Чёррт такой-растакой!

Инженер толкает конструктора в бок: дескать, попрдержи язык, неудобно, всё-таки директор. Но Терентьева никакими резонами не унять.

Директор пробует оправдаться:

— Я хотел помочь...

— Хотел, хотел! Чёрта ли мне в твоём хотенье!

— Я поскользнулся — и ногой в лунку, — жалобно говорит директор, — в бурке полно воды...

— Ну, теперь уж не до рыбалки, — вступает инженер. — Надо ехать домой, Андрей Николаич.

— И поезжайте! И тащите его с собой, ублажайте его! — вопит Терентьев.

Он продолжает ругаться и тогда, когда директор, инженер и механик уже отошли на порядочное расстояние.

— Испортил я ему рыбалку, — говорит директор и больше не произносит ни слова до самой станции, только лязгает зубами от холода. Но и в вагоне, покурив и отогревшись, он не высказывает никакого неудовольствия по поводу поведения конструктора Терентьева.

Прошёл выходной, наступили будни. Конструктор, азартный только на рыбалке, а на заводе известный всем, как человек мягкий и покладистый, мучился угрызениями совести и боялся попадаться на глаза директору.

В среду утром директор собрал производственное совещание. Всё шло гладко, покуда дело не коснулось конструкторского бюро.

— Ваше мнение? — спросил директор, обращаясь к Терентьеву.

— Да ведь... я не знаю. Вообще-то говоря...

— А не вообще?

— Да ведь как вам сказать...

И тут разразилась гроза. Директор кричал, ругался, стучал тяжёлым прессом по столу.

— Вы главный конструктор! Вы обязаны знать! Вы должны болеть за дело! Почему вы работаете без души? В другом месте вы очень даже свой темперамент проявляете!

Присутствующие сидели тихо, потупив глаза. Все они отлично знали, где именно проявляет свой страстный темперамент конструктор Терентьев.

Отгремев, директор распустил совещание, задержав только конструктора. Выходя, инженер и механик сочувственно потядели на приятеля. Когда дверь закрылась, директор закурил и перешёл на «ты»:

— Ты, Терентьев, небось, думаешь, что я с тобой счёты свёл? И зря. На рыбалке ты был прав. А тут я прав. Тебе сколько лет?

— Тридцать шесть, — вздохнул Терентьев.

— Совсем молодой человек. А работаешь без души! Душа у тебя на речке проявляется. Почему так?

Терентьев смущённо улыбнулся:

— Я с детства привержен, Андрей Николаич.

— Ну, вот что, — закончил разговор директор, — окуни и ерши хороши, но и на заводе, брат, тоже нельзя без души работать.

Тут он заметил, что Терентьев не на шутку переживает, даже за сердце схватился. «Проняло», — подумал директор и сказал:

— А теперь иди и работай. И прошу тебя: с душой!

Терентьев выскочил в коридор, всё ещё держась рукой за сердце.

— Ты что? Плохо тебе? — всполошились приятели, подждавшие его за дверью. — Да ты уж очень-то не расстраивайся...

— Да! Не расстраивайся! А может быть, он уже подох!

— Кто, кто подох?

— Кто, кто! Мотыль! — Терентьев полез рукой за пазуху. — Перед совещанием бегал к мотыльщику, последнего захватил.

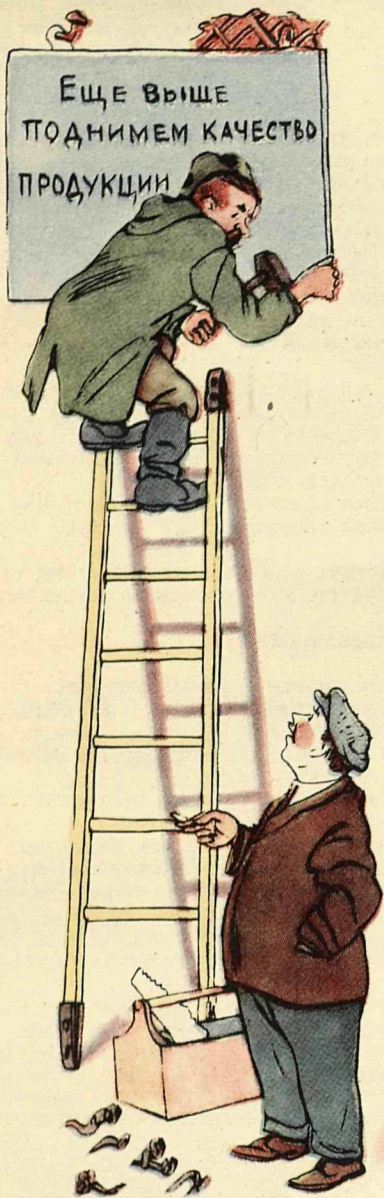
Он извлёк из-за пазухи картонную коробочку и раскрыл её. В ней копошились кучкой маленькие красные червячки-личинки, похожие на кораллы. Лицо Терентьева расплылось в радостной улыбке.

— Живенький! — сказал механик.

— Хорош! До выходного продюжит! Пойти в стакан переложить!

Варвара КАРБОВСКАЯ

Рис. А. АРУТЮНЯНЦА («ПЕРЕЦЬ», КИЕВ).

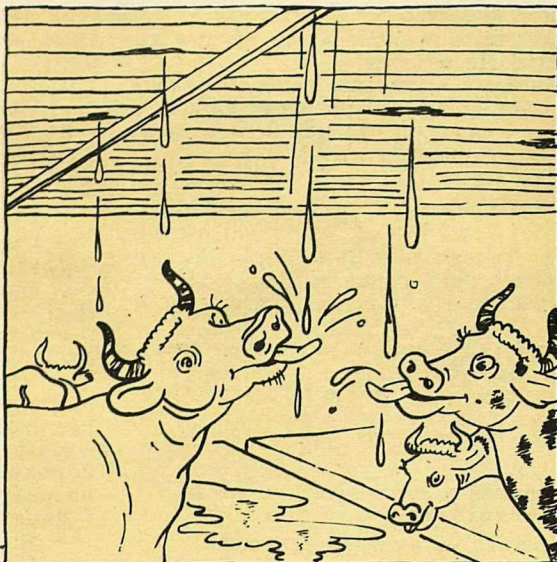
— Товарищ директор! Гвоздями вашего производства этот плакат не прибьешь!

Рис. Г. ЛОМЦЕ («ШАНГИ», ТБИЛИСИ).

— Культурное, казалось бы, растение — кукуруза, а не может пробиться из-за каких-то диких сорняков!

Рис. П. НОВИЧКОВА («ЧАЯН», КАЗАНЬ).

— Водой мы обеспечены. Интересно, кто же нас обеспечит теплом и кормом!

Рис. С. МАРФИНА («МУШТУМ», ТАШКЕНТ).

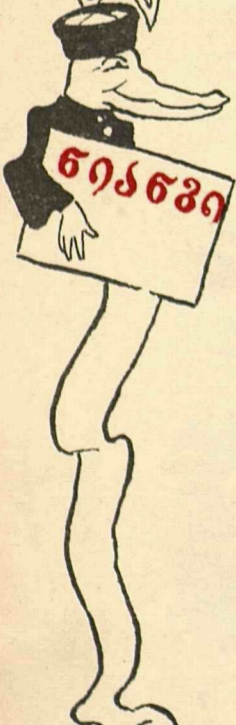

— Судя по...

Рис. П. ОСТРОВСКОГО («ВОЖЫК», МИНСК).

— Уступи дяде место!
— Он мне не дядя. Я свою родню хорошо знаю — они все у папы в тресте работают...

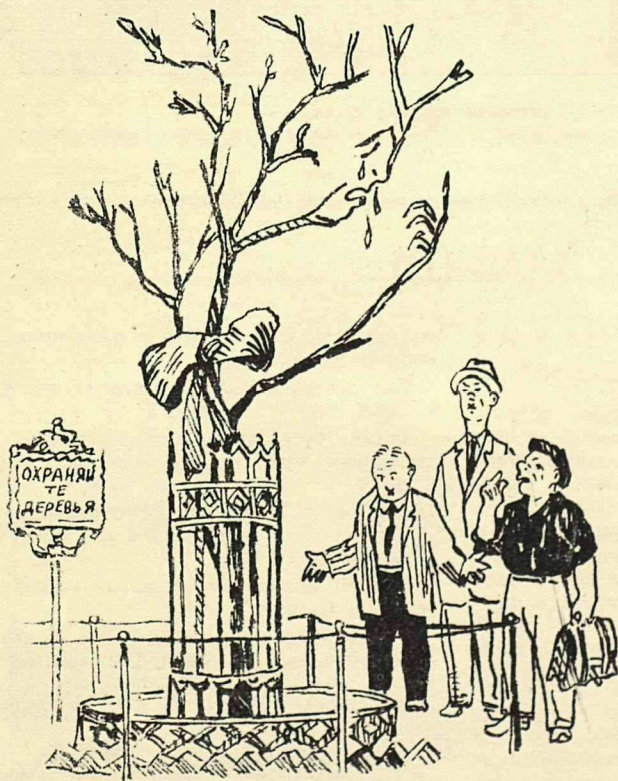
ОТТАЛКИВАЯСЬ
ОТ ЗЕМНОГО ШАРА...

КЕНТ).

этому изобилию, мы приехали в Голодную степь!..

Рис. ШАРИФ-ЗАДЕ («КИРПИ», БАКУ).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИСПОЛКОМА РАЙСОВЕТА: — Мы тебя огородили, окружили решёткой, на ветви даже ленты привязали. Чего ещё тебе нужно!
ДЕРЕВО: — Одно ведро воды!

(ОТРЫВКИ ИЗ ДОКЛАДА ЗАСЛУЖЕННОГО МАСТЕРА СПОРТА Н. ПЕТРОВА «ТЕХНИКА БЕГА НА КОНЬКАХ», СДЕЛАННОГО ИМ НА ВСЕСОЮЗНОМ СОВЕЩАНИИ ПО КОНЬКОБЕЖНОМУ СПОРТУ В ЛЕНИНГРАДЕ).

«Бег на коньках — это скольжение по льду на специальных, прикрепленных к обуви приспособлениях, на коньках, за счёт поочерёдного отталкивания ими от льда. Он является локомоторным движением, т. е. перемещением в пространстве за счёт сложного взаимодействия человека с окружающей средой, взаимодействия внутренних сил человека с внешними силами, за счёт работы мышц.

Для того, чтобы получить такое движение, человек должен войти во взаимодействие со всем земным шаром: оттолкнуть его от себя или, наоборот, притянуть к себе. Ввиду ничтожности массы тела человека по сравнению с массой земли результатом такого взаимодействия бывает движение самого человека относительно земли. Для передвижения по горизонтали необходимо только, чтобы сила толчка или притягивания была направлена по горизонтали.

В отличие от шага при обычной ходьбе и при обычном беге шаг конькобежца имеет свои особенности, которые определяются условиями бега на коньках — скользким льдом и устройством конька, которые и определяют характер взаимодействия конькобежца с окружающим его внешним миром».

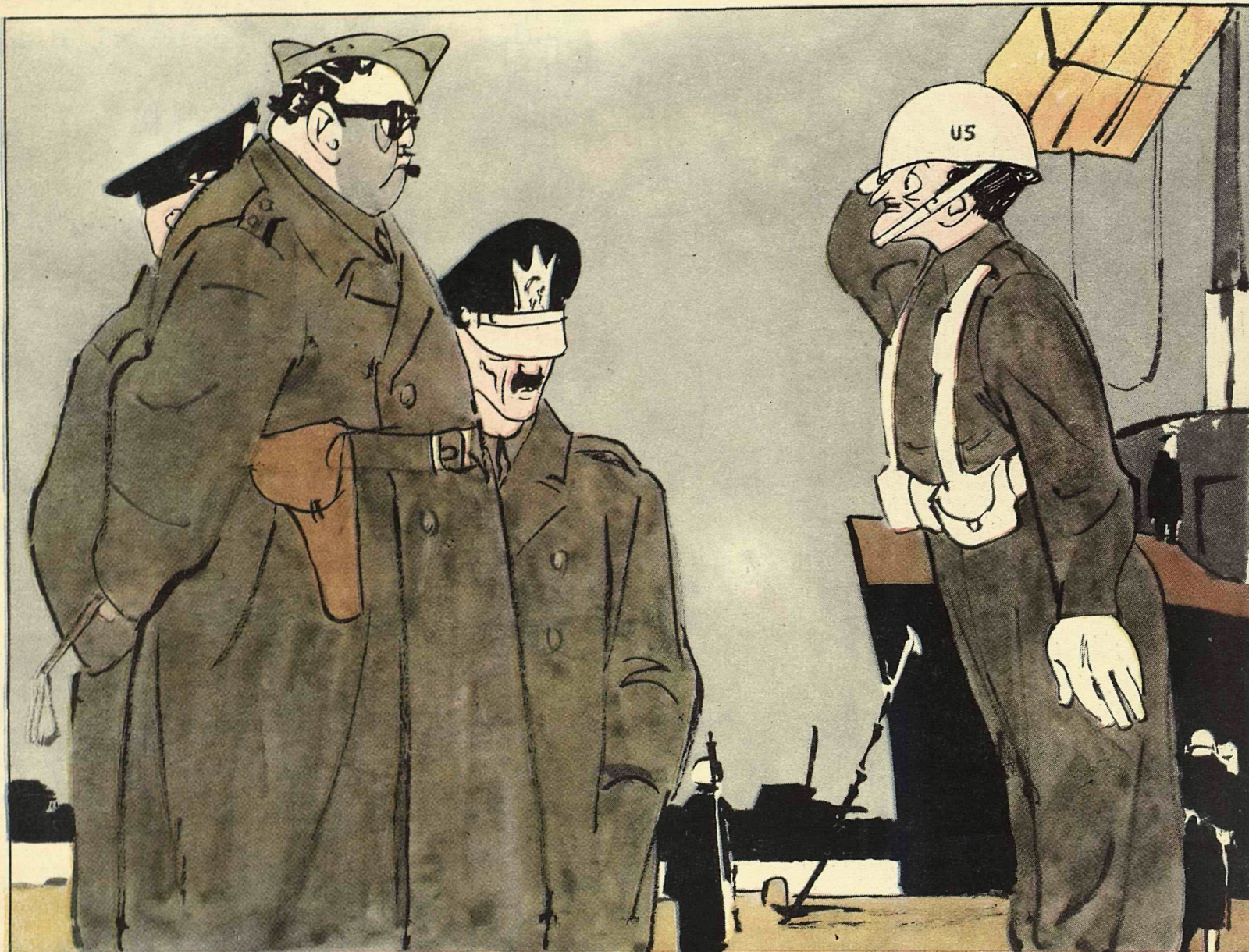
После того как Н. Петров «вошёл во взаимодействие с земным шаром», начались его пространственные рассуждения о технике и тактике. Особо подчеркнув, что объяснение должно быть ясным и кратким и говорить нужно только то, что необходимо, докладчик сказал:

«Главным в работе туловища, в разумном использовании его для увеличения отталкивания является удержание его на опорной ноге во время подтягивания свободной ноги. Важно, чтобы плечевой пояс не начал двигаться вовнутрь ещё до начала толчка, т. е. чтобы не было работы корпусом, которую я когда-то, еще до войны, назвал увеличением от работы. Примеры приводить не буду. К счастью, таких конькобежцев теперь у нас становится всё меньше и меньше. Теперь уже многие поняли, что плечевой пояс должен начинать двигаться в сторону отталкивания одновременно с тазом, как говорят, таз должен двигаться с закрепленным на нём туловищем...»

На этом мы прерываем стенографическую запись доклада «О технике бега на коньках». Какие выражения лиц были у участников совещания, слушавших комических излияния тов. Петрова, предоставляем догадываться самим читателям, так как в стенограмме этого, к сожалению, отразить нельзя.

А. ЕРМЕНКО

г. Ленинград.

— Доставить в Корею половину панамской экспедиционной армии! Остальных пятнадцать солдат оставить в резерве главного командования!

КОНСТИТУЦИЯ ПОД ЗАМКОМ

Что такое американская демократия?
— Посмешище для народов.

Так говорит сеньор Хозе Фигерес, бывший президент республики Коста-Рика, в американском журнале «Экономика и социология» (1952 год, январь).

Существуют ли в США права человека?

— Только на бумаге, только в письменном тексте конституции,— говорит Хозе Фигерес.
— Опасная бумага! Антиамериканский текст! — кричит сенатор Маккарэн. — Убрать бумагу, убрать текст!

Слово Маккарэна — драконов закон.

В середине декабря 1952 года в столице США Вашингтоне чиновники государственного департамента торжественно, под звуки Оффенбаха, переносили из доступного для посетителей хранилища в закрытое бомбоубежище опасные оригиналы Декларации независимости и конституции — памятники американской демократии.

Когда ковчег с текстами водрузили на место, американский президент с удовлетворением постучал по стальной броне, ощупал массивные засовы и сказал:

— Теперь не вылетит!

На пресс-конференции в тот же день он заявил:

— Конечно, свобода мнений таит в себе опасности...

* * *

Превращение оригиналов американской конституции в священные мощи и обряд торжественного их перенесения в бронированную раку официально мотивируются якобы существующей опасностью атомного налёта.

Само собой разумеется, это явный вздор и новое средство разжигания атомного психоза. Маскарадным обрядом почитания текста конституции жрецы Уолл-стрита пытаются прикрыть своё надругательство над живой идеей конституции, над правами человека и народа.

Текст конституции казался безопасным, покуда ещё тлели жалкие остатки буржуазно-демократических свобод, покуда правящие классы позволяли себе игру в либерализм. Они уничтожили ныне и эти остатки. Исторический текст колет глаза. Он изобличает произвол всевластных монополий. Он будит опасные мысли в народе наглядным контрастом между словом и делом.

Оригинал американской конституции убирают из доступного народу помещения, чтобы очистить место для фашизма. Тени творцов конституции, Вашингтона и Джефферсона, долж-

ны покинуть свои посты у памятника американской демократии.

Так завершается расправа с демократией в США.

Знамя буржуазно-демократических свобод выброшено за борт,— указывает товарищ Сталин.

Но оно не уничтожено. Его поднимают представители коммунистических и демократических партий.

Больше никому его поднять,— подчёркивает товарищ Сталин.

У американского народа есть благородные революционные традиции. Они оживают и соединяются с борьбой лучших сынов и дочерей американского народа за мир, за демократию, за права человека.

Буржуазия превратила исторические документы американской демократии в архивные экспонаты. Она в страхе убирает теперь и эти экспонаты подальше от глаз народа, заключает их в стальной гроб под видом безвредных священных мощей.

Тщетные усилия!

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

ДЯДЯ САМ РИСУЕТ САМ

«ТОЛЬКО ДЛЯ ВНУТРЕННЕГО
ПОЛЬЗОВАНИЯ»

«Картина» С. Дэвиса

После тщетных попыток понять содержание картин модных художников США американский журнал «Нью-Йорк таймс мэгэзин» обратился к шести ведущим абстракционистам с просьбой «внести полную ясность в вопрос», «разъяснить, что они стараются создать». Художники дали столь туманные объяснения, что редакция решила опубликовать их без комментариев. Стюарт Дэвис, репродукция «картины» которого помещена выше, ответил, например, так:

«Акт рисования картины не является простой копировкой впечатления, он граничит с изобретательством и является таковым. Название этой картины? Это просто пародия на старую поговорку. Картина может быть примером нового искусства. Она, действительно, «только для внутреннего пользования».

Вот теперь уже совсем ясно, что ничего не ясно.

Американские власти передали нюрнбергскую тюрьму в распоряжение западногерманского «правительства».

Рис. В. ВАСИЛЬЕВА

— Не могу смотреть на эту тюрьму: в ней сидели мои близкие!..

ТОКИО — ВАШИНГТОН

Рис. Н. ЛИСОГОРСКОГО

Правительство Иосида отправило в Америку пятнадцать тонн золота.

— Было у нас золото!
— Да сплыло...

АМЕРИКАНСКИЙ СТАНДАРТ...**...В АНГЛИИ**

- Значит, я буду жить у вас на квартире.
 — Ничего не поделаешь, сэр.
 — Ванна есть?
 — Есть.
 — Телефон?
 — Есть.
 — Слуга?
 — Нет.
 — Это неважно. Чистить мои сапоги придётся вам. За это вы будете раз в неделю пользоваться ванной и, может быть, телефоном.
 — Но, сэр!.. Это ведь моя собственная квартира! И вы, американский офицер, ещё смеете называть себя после этого другом англичан?!
 — А как же иначе? Если бы я не был вашим другом, я просто вышвырнул бы вас из этой квартиры.

...В ИТАЛИИ

- Это что, картина? Кто автор? Рафаэль?
 — Да, синьор.
 — Сто долларов.
 — Но, синьор!..
 — Это что? Статуя? Автор — Микель-Анджело?
 — Да, синьор.
 — Двести долларов.
 — Но, синьор!.. Всё это бесценные произведения искусства...
 — Так я ведь и плачу за каждое поштучно.
 — Это грабёж, а не покупка... Стойте! Куда несёте?! Так вот в чём, значит, заключается американская дружба!
 — Само собой. Ведь я же не даром забираю. Разве дал бы я за эту мазню хоть единый цент, если бы мы не были друзьями?

...В ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ

- Чтобы к завтрашнему дню от вас не осталось здесь и следа. Территория деревни будет полигоном для прицельной бомбёжки.
 — Но, господин офицер, нам некуда уходить отсюда.
 — Некуда? Ничего. Поможем. Мужчины найдут убежище в наших казармах. Женщины? Хе-хе! Не пропадут, сумеют устроиться...
 — Это, значит, и есть американская дружба?
 — Разумеется! Не будь этой дружбы, мы просто швыряли бы бомбы на ваши головы.

*Перевод с польского.
 Из журнала «Пшиязнь».*

**ПЕСНЯ О ЛОЙЯЛЬНОМ
 ПРЕПОДАВАТЕЛЕ
 АМЕРИКАНСКОГО КОЛЛЕДЖА**

I

Я образец для всех людей научной специальности.
 В моей груди горит огонь безудержной лойяльности.

Я очень радуюсь тому, что я не иностранец,
 А настоящий, коренной насквозь-американец.

От общепринятых идей и мнений я ни шагу.
 На верность флагу я приму в любой момент присягу.

Не знал, не видел, не встречал ни разу коммуниста я,
 Мой дед, прапрадед, вся родня — американцы истые.

Я избегаю спорных тем, чутьём и по инерции
 И личных взглядов не держусь в политике, в коммерции.

Клянусь я вам и верю сам: до нынешнего дня
 На факультете нет людей лойяльнее меня!

Припев:

Да, это так! И это факт! И более того!
 На факультете нет людей лойяльнее его!

II

Я эрудирован вполне, чтоб трактовать наследственность.
 Но за доктрины не беру я на себя ответственность!

Я Дарвина преподаю с известной дозой критики
 И догматизма чужд во всём: в религии, в политике.

Я предприимчивость ценю, но, безусловно, частную,
 Она источник наших сил — доказываю ясно я.

Могу у Маркса я найти ахиллову пятю,
 Поскольку Маркса не читал и — верьте! — не прочту.

Я мыслю так, чтобы меня всем ставили в пример
 И факультет, и Херст, и сам начальник ФБР.

Клянусь я вам, подписку дам: лойяльнее меня
 На факультете нет людей до нынешнего дня!

Припев:

Да, это так! И это факт! Лойяльнее его
 На факультете мы назвать не можем никого!

Перевёл С. МАРШАК.

(Из американского журнала «Нейшн».)

Рис. Л. БРОДАТЫ

ПОД НЕБОМ БЕЛГРАДА

Югославское «правительство» постановило увеличить квартирную плату на 100 процентов

ВОКРУГ СВЕТА

ВО ВЕСЬ ДУХ

Марionеточный император Бао Дай в интервью, данном представителю агентства Вьетнам Пресс, заявил, что правительственные войска Вьетнама и войска Французского союза проявляют «прекрасный боевой дух».

Перехвалил вьетнамский квислинг «Героев» армий этих двух:
Дух боевой у них в том смысле,
Что удирают во весь дух!

НАШ ДИАГНОЗ

Западногерманское агентство ДПА сообщило об освобождении военного преступника, бывшего генерал-фельдмаршала гитлеровской армии Вильгельма Листа, из тюрьмы в Ландсберге «по состоянию здоровья».

Фельдмаршал болен. Мы согласны.
Уже давно страдает Лист
Недугом страшным и опасным:
Он застарелый реваншист.

Ясна «история болезни»,
И потому считаем мы,
Что был бы здесь всего полезней
Режим пожизненной тюрьмы.

Но Лист был выпущен вчера.
Как видно, дело тут не чисто:
Не по болезни доктора
Освободили реваншиста.

Врачам, его освободившим,
Другой важнее интерес:
Им нужен пациент их бывший
Как будущий головорез!

Сергей ШВЕЦОВ

ВО ФРАНЦИИ

Рис. В. ГОРЯЕВА

— Почему наш кабинет министров так часто падает?
— Народ не поддерживает!

АМЕРИКАНСКИЕ БЛИЗНЕЦЫ

ЗАПАДНОГЕРМАНСКИЙ ЛИ СЫН МАН И КОРЕЙСКИЙ АДЕНАУЭР

В этом нечто большее, чем случайная игра природы: поразительно совпадают не только лица, мертвенно холодные взгляды и даже галстуки обоих предателей своего народа, но и их презренная роль в мировой политике. Оба женаты на американках, оба продают свою родину империалистам Соединенных Штатов, оба управляют лишь с помощью американских штыков, оба переживают по ночам кошмарные видения грядущего возмездия. Разница лишь в том, что один уже втянул свою родину в войну, в то время как другой лихо радочно подготавливает такую войну под командой генерал-чумы Риджуэя.

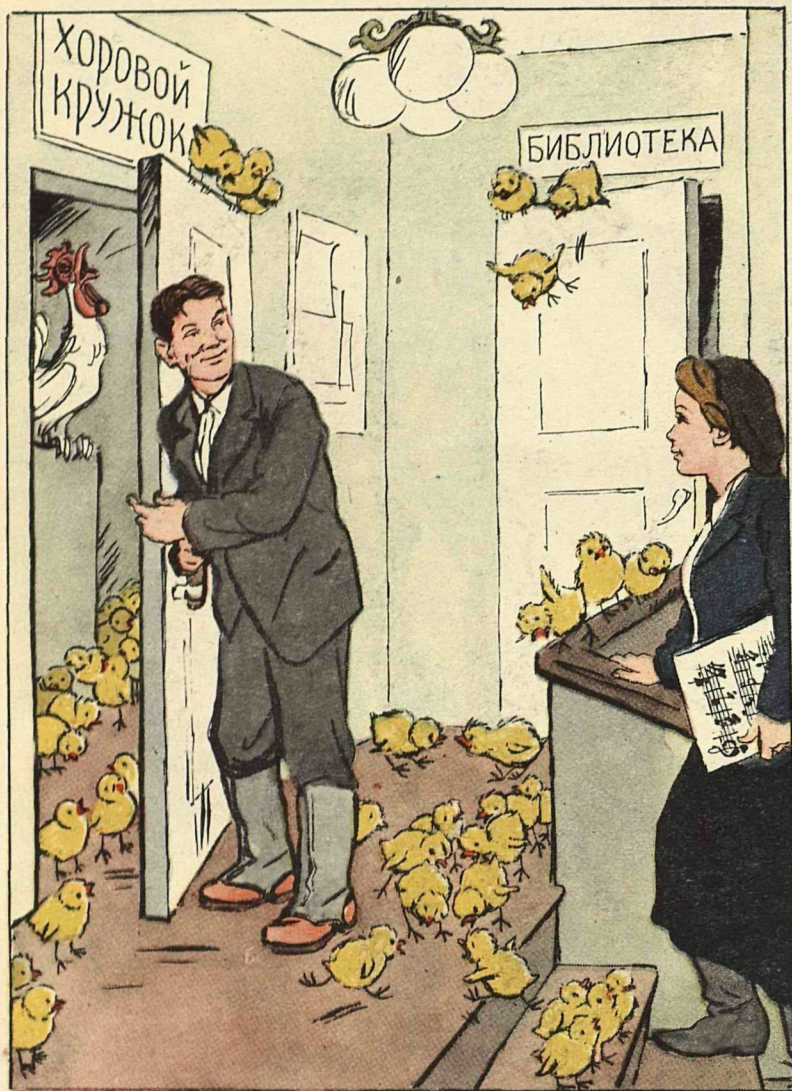
Но Аденауэру не удастся совершить это гнусное преступление, если германский народ удвоит свои силы в борьбе против общего договора, за новое правительство национального объединения.

Снимки и текст из немецкого демократического еженедельника «Нейе берлинер иллюстрирте».

Председатель колхоза имени Хрущёва, Ядринского района, Чувашской АССР, тов. Алексеев не выполнил требования колхозников о строительстве птичника, и сейчас цыплята с птицефермы этого колхоза содержатся в... колхозном клубе.

Рис. А. ЕАЖЕНОВА

— Кто это в хоре пустил петуха!
— Сам петух...

Сергей ВОСКРЕКАСЕНКО

«БОЖОК»

Он оттого всегда страдает,
Что лишь себя — на общий смех —
Едва ль не гением считает
И ни во что не ставит всех.
Был в этом мненье с детства он
Родителями утверждён.
В сей «воспитательной работе»
Им помогали дяди, тётки;
Он с ними жил и выросал
И так «божком» домашним стал.

А на работе бедный малый
Не выделялся — ну, ничем!
Он лести не слышал бывалой,
Не до него тут было всем...
Беднягу разбирало зло.
Его коробило и жгло,
Когда он вдруг про чью-то славу
Из уст товарищей слышал;
Завистливый, он, как отраву,

Успехи друга принимал.
«Им рукоплещут, их качают,
Меня ж совсем не замечают.
Но я держусь, я не тужу:
Постойте, я вам покажу!»
Он на корню от злобы сох.
Фискальство, клевету, подвох —
Всё в ход пустить пришлось
бедняге.

Меча и молнии и гром,
Он множество листов бумаги
Испачкал кляузным пером.
Добился всё же своего:
Заговорили про него:
«Подла душонка и мелка...
Таких не терпим мы и духа!» —
И вмиг за дрянненькое ухо
На солнце вывели «божка».

Перевёл с украинского
В. КОРЧАГИН

ВИЛЫ В БОК

ТЕОРИЯ И ЖИЗНЬ

Пожарники села Старое Похвистнево, Куйбышевской области, сидели в своей сторожке и вели теоретическое собеседование.

— Что есть пожар?.. Пожар есть нежелательное распространение огня и уничтожение имущества. А отчего он происходит? От неисправности дымохода и прочих причин. Стало быть, отсюда вывод: труба пусть будет чище, от сажи пожаров тыщи!

— Сажа горит! — донёсся крик со двора.

Пожарники выбежали на улицу и с удивлением констатировали, что горит их сторожка. Они кинулись в свой пожарный сарай, но, увы, в бочках не оказалось воды.

Спустя час пожарники восхищённо говорили перед грудой головешек (всё, что осталось от сторожки):

— Теория не ошибается. Всё правильно. Сторожка сгорела, как по писаному!

ПОВЕСТЬ О СЕМИ ПЯТНИЦАХ

Выксунский металлургический завод согласовал с Управлением Казанской железной дороги план погрузки маршрута леса. Приготовились, засучив рукава, грузить, но...

1) Начальник Муромского отделения Казанской ж. д. Щиголов дал приказ о запрещении погрузки.

2) Заместитель начальника отделения Полушкин разрешил погрузку, но не больше, как четырёх полувагонов.

3) Заместитель начальника станции Навашино Лещенюк разрешил погрузку маршрута.

4) Начальник той же станции Бирюков запретил погрузку маршрута.

5) Упомянутый уже заместитель начальника отделения Полушкин снова разрешил погрузку маршрута.

6) Ровно через двадцать минут тот же Полушкин отменил свой приказ.

7) Наконец, разрешил погрузку и вышеупомянутый начальник отделения Щиголов, но... слишком поздно: маршрут был сорван.

Грустный конец у этой повести о семи пятницах на одной неделе!

ДЕЛО О СТАРЫХ ГАЛОШАХ

Вот уже полгода, как работники Шатурского торфопредприятия бьются над решением сложной проблемы: куда им сдать скопившиеся на складе шесть тысяч пар старых шахтёрских галош?

Толкнулись они поначалу в Главтульсырьё.

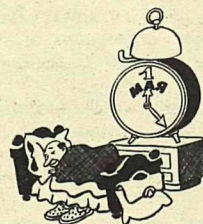

— Не берём! — категорически заявил начальник Главтульсырья тов. Розанцев. — Данный предмет нас не интересует. Сдавайте ваши галоши на предприятия Главхимсбыта Министерства химической промышленности. Для них это — очень ценное сырьё.

— Извините! — возмутилась заместительница начальника Главхимсбыта тов. Водопьянова. — Зачем нам брать этот старый хлам? Переработкой резиноутюга должны заниматься заводы Главрезинотехники.

— Нет, нет!.. — испуганно замал руками заместительница начальника Главрезинотехники тов. Фёдоров. — Мы и так уж со старыми галошами сели в галошу. Не наше это дело. Обращайтесь в Главхимсбыт.

Так были энергично отбиты все попытки торфяников освободить свой склад от старых галош... Может быть, в новом году им больше посчастливится?

ПО ПРАЗДНИЧКАМ

Директор культбазы совета промысловой кооперации Костромской области Магомедов разослал подведомственным артелям весьма срочный циркуляр:

«В связи с постановлением Облпромсовета от 10.IX—52 г. Культбаза предлагает Вам всю политико-воспитательную и культурно-массовую работу поставить на должный уровень к 7 ноября с/г...»

Теперь в артелях, где не успели поднять работу на должный уровень к 7 ноября, могут несколько месяцев не беспокоиться: очевидно, руководители культбазы спохватятся о «должном уровне» не ранее... как к следующему празднику.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Помнишь, у Маяковского есть такие стихи:

Если мальчик любит мыло
И зубной порошок,
Этот мальчик — очень милый,
Поступает — хорошо!

В нашем городе все очень милье: и мальчики, и девочки, и дяди, и тети. Но, к сожалению, они не могут «поступать хорошо», то есть не могут каждый день или хотя бы раз в месяц чистить зубы, потому что в магазинах города вот уже более трёх месяцев нет ни зубного порошка, ни пасты, ни элексира. Будь добр, объясни, пожалуйста, заведующему райторготделом тов. Генералову, что такое хорошо и что такое плохо! И если он поймёт это и вздумает сделать горожанам в новом году подарок, пусть доставит в аптеки и магазины зубной порошок.

А. ЛАМБРИАНИДИ

г. Могоча,
Читинская область.

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Известно, что миллиметр равен очень маленькой, но строго неизменной частице земного меридиана.

Но вот недавно я купил в магазине угольники Ленинградской фабрики счётных приборов и днепропетровской артели «Художник», а также миллиметровую бумагу фабрики «Союз» и с ужасом убедился в том, что это не всегда так.

На всех перечисленных изделиях миллиметры были разной величины.

В чём дело, дорогой Крокодил? Может быть, через эти организации проходят свои меридианы, отличающиеся от земного?

А может, они измеряли земной меридиан своими угольниками?

И. ПРОСТНЕВ

г. Москва.

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Не знаешь ли ты каких-либо радикальных средств для предохранения от воды, проникающей через дырявую крышу? Многие известные способы: палатки, зонты и прочее — уже использованы. Однако вода продолжает заливать верхние этажи фабрики. В такие «мокрые часы» работа в цехах останавливается, вода подмачивает основу и увеличивает процент брака.

Ты скажешь: самый верный способ — починить крышу. Но это, дорогой Крокодил, нам недоступно. Чтобы получить железо для ремонта, нужно составить какой-то «аварийный акт», о чём наши руководители толкуют уже два года, хотя за это время можно было написать большую драму в пяти актах.

Не кажется ли тебе, что два года — слишком длинный срок для такой одноактной водяной пантомимы?

Р. ЩУРАЕВА

Фабрика имени Красина,
Владимирской области.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Как, по-твоему, любят ли сотрудники Киевского музыкального комбината музыку?

Странный, казалось бы, вопрос. Музыка любит им положено по должности.

Но недаром, видно, поёт Кармен: «Берегись любви моей!»

Вот уже второй год духовой оркестр Чермоцкого металлургического завода просит киевлян выслать ему выделенные по наряду музыкальные инструменты. Второй год тянется переписка по этому поводу. Растёт гора бумаги. А ведь из неё даже барабанной палочки не сделаешь!

И вот мы начинаем, грешным делом, думать, что всем прочим музыкальным инструментам работники Киевского музкомбината предпочитают волюнку.

М. ЕРМОЛАЕВ,
секретарь райкома ВЛКСМ

Чермоз,
Молотовской области.

Рис. А. КРЫЛОВА

— Какой вам хотелось бы посмотреть фильм: приключенческий, исторический, комедийный или художественный?

— Хотелось бы увидеть новый!

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КОНОВЛОВ, И. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, И. РЯБОВ.

Изд-во „ПРАВДА“. Адрес ред.: Москва, 40, ул. „Правды“, 24. Тел. Д 3-33-47, Д 3-32-50. Приём ежедневно с 13 до 17 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц.

Москва. Изд. № 67. Подписано к печати 3/1 1953 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 01701. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 3350. Тираж 350 000 экз.

Всесоюзная
Книжная Палата
Обязат. экземпляры
1953 г.

Рис. Бор. ЕФИМОВА

АРХИПЕЛАГ АМЕРИКАНСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.